

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Арсланов Б.А., Фартусов Е.С. Эволюция стратегий США по смене режимов во время холодной войны //

Конфликтология / nota bene. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.3.74812 EDN: XTBMNG URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74812

Эволюция стратегий США по смене режимов во время холодной войны

Арсланов Байрам Арсланович

магистр; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ bayramarslanov70@gmail.com

Фартусов Егор Сергеевич

магистр; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ muzfart@gmail.com

[Статья из рубрики "Актуальные проблемы и направления развития современной конфликтологии"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.3.74812

EDN:

XTBMNG

Дата направления статьи в редакцию:

07-06-2025

Дата публикации:

14-06-2025

Аннотация: Предметом исследования является эволюция стратегий Соединенных Штатов Америки по принудительной смене политических режимов в период от окончания Второй мировой войны до настоящего времени. Автор рассматривает такие аспекты темы как трансформация методов внешнеполитического вмешательства, переход от

классических тайных операций холодной войны к современным формам "гибридного" воздействия, институционализация механизмов подрыва суверенитета государств через псевдогражданские структуры. Особое внимание уделяется анализу конкретных исторических случаев вмешательства в дела Ирана, Гватемалы, Чили, стран Ближнего Востока, Латинской Америки и других регионов мира. Исследуются формы и методы деятельности ЦРУ, роль таких организаций как NED, USAID в реализации американской стратегии смены режимов. Рассматривается советская и российская реакция на интервенционистскую политику США, включая дипломатическое противодействие и поддержку союзных государств. Исследование основано на историко-сравнительном методе и анализе рассекреченных архивных документов ЦРУ, директив Совета национальной безопасности США, материалов Конгресса, научной литературы и публикаций международных организаций. Основными выводами проведенного исследования являются положения о трансформации американских стратегий вмешательства и их институционализации через псевдогражданские структуры. Особым вкладом автора в исследование темы является анализ преемственности методов разных исторических периодов и выявление единой логики американской интервенционистской политики от классических операций ЦРУ до современных "гибридных" форм воздействия. Новизна исследования заключается в сопоставлении советской и российской стратегий противодействия попыткам смены режимов, демонстрации эволюции от дипломатических протестов к активным мерам по защите суверенитета союзных государств. Автор доказывает, что современные методы принудительной "демократизации" приводят к дестабилизации целых регионов и разрушению международно-правовых принципов, что требует восстановления системы коллективной безопасности, основанной на невмешательстве во внутренние дела государств.

Ключевые слова:

смена режимов, внешняя политика США, ЦРУ, холодная война, вмешательство в политику, гибридные войны, институционализация, неправительственные организации, советско-американские отношения, международное право

Введение

С окончания Второй мировой войны Соединённые Штаты выстраивали внешнеполитический курс, основанный на целенаправленном влиянии на внутренние политические процессы других стран. Идеологическое противостояние с Советским Союзом, стремление ограничить распространение социалистических идей и защита экономических интересов американского капитала сформировали подход, который применялся на разных континентах с различной интенсивностью. Методы воздействия нередко выходили за рамки международного права, опираясь на специальные операции, финансирование оппозиционных движений и информационные кампании.

Холодная война позволила США отработать и институционализировать механизм подрыва негодных режимов. Использование Центрального разведывательного управления, создание альянсов с военными элитами, координация с транснациональными корпорациями, а позднее с неправительственными организациями превратили смену власти в управляемый процесс. Реализация операций в Иране, Гватемале и Чили, а также попытки дестабилизации на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии стали частью стратегии переформатирования мирового порядка в соответствии с интересами Вашингтона. СССР рассматривал такие действия как угрозу глобальному балансу сил и

предпринимал контрмеры, включая дипломатическую поддержку постколониальных стран, военную помощь и расширение сферы влияния в Африке, Азии и Латинской Америке [1, с. 41-69].

Современная ситуация демонстрирует сохранение интереса США к вмешательству во внутренние дела независимых государств. Механизмы, отработанные в годы холодной войны, эволюционировали, но сохранили базовый характер. Изменились технологии: на смену открытому вмешательству пришли информационные операции, управление через международные институты и экспорт модели «управляемой демократии».

Доктрина сдерживания и формирование инструментов вмешательства (1945-1961)

В феврале 1946 года американский дипломат Джордж Кеннан направил в Вашингтон «длинную телеграмму», изложив видение советской внешней политики и подходов к её сдерживанию. Анализ опирался на допущение, что СССР не стремится к прямому военному столкновению, но последовательно расширяет влияние через идеологическую экспансию и поддержку союзных движений. Реакцией стало предложение использовать политическое и экономическое давление для ограничения возможностей СССР укреплять позиции в Европе и других регионах.

Доктрина сдерживания, оформленная Кеннаном в статье «Источники советского поведения» (журнал *Foreign Affairs*, под псевдонимом X), легла в основу долгосрочной политики США. Центральным положением стало убеждение, что Советский Союз можно нейтрализовать не через открытый военный конфликт, а путём создания внешнего кольца противостоящих режимов, поддерживаемых Вашингтоном [Kennan G. F. The sources of Soviet conduct // CVCE, 1947 URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/a0f03730-dde8-4f06-a6ed-d740770dc423/publishable_en.pdf (дата обращения: 01.01.2025).]. Такой подход предполагал не только дипломатическое давление, но и вмешательство в дела государств, где, по мнению американского руководства, существовала угроза установления просоветских режимов [23, с. 235].

На практике идея сдерживания трансформировалась в оправдание вмешательства во внутренние дела других стран. США поддерживали партии, лидеров и движения, декларировавшие лояльность к западным ценностям и экономическим моделям. Одновременно велась подрывная деятельность против правительств, проводивших политику независимости или симпатизировавших социалистической ориентации. Таким образом, первоначально заявленная как реактивная мера, доктрина сдерживания превратилась в активную стратегию формирования глобального пространства, безопасного для американских интересов.

В 1947 году администрация Трумэна представила план экономического восстановления Европы, получивший название «План Маршалла». Официально он был подан как программа помощи разрушенным войной государствам, однако фактически представлял собой инструмент стратегического влияния на политическую конфигурацию Западной Европы. Центральной задачей было не только стимулирование экономического роста, но и блокирование возможностей для усиления левых и просоциалистических движений, набравших популярность на фоне послевоенной разрухи [2, с. 83-86].

Финансовая помощь, выделяемая в рамках плана, была жёстко увязана с политической лояльностью к Вашингтону. Получатели средств обязались координировать экономическую политику с американскими советниками, сокращать государственное

вмешательство и отказываться от сотрудничества с СССР. В странах, где правительственные коалиции включали коммунистов, США открыто вмешивались в политический процесс, поддерживая отставку или исключение подобных сил из исполнительной власти [24, с. 41].

Создание механизма тайных операций: ЦРУ как инструмент смены режимов

Центральное разведывательное управление было создано в 1947 году на основании Закона о национальной безопасности США [The National Security Act of 1947 // CIA URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/1947-07-26.pdf> (дата обращения: 01.01.2025)]. С первых лет существования ЦРУ получило полномочия не только по сбору разведывательной информации, но и по проведению специальных операций за пределами страны. Указание на это содержалось в статье 102(d)(5) закона, формулировка которой позволяла агентству вести «иные функции и обязанности», не детализированные публично. Такая неопределённость была сознательной и создавала юридическое прикрытие для вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

На раннем этапе деятельности управление сосредоточилось на Европе. Первая крупная операция касалась вмешательства в итальянские парламентские выборы 1948 года. Сотрудники ЦРУ координировали кампанию против Итальянской коммунистической партии, финансировали христианских демократов, использовали сеть католических организаций и контролировали информационное пространство. Результатом стало вытеснение коммунистов из политической борьбы и закрепление прозападного курса страны [25, с. 157].

К середине 1950-х годов в США была окончательно институционализована система проведения тайных операций (covert operations) за рубежом. Основой формализации стал ряд директив Совета национальной безопасности, прежде всего *NSC 10/2* от 18 июня 1948 года, утвердившая право ЦРУ проводить скрытую деятельность против СССР и его предполагаемых союзников, включая саботаж, пропаганду, подрывные действия и поддержание антикоммунистических структур [National Security Council Directive on Office of Special Projects // CIA, 1948 URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80B01676R001100070002-3.pdf> (дата обращения: 01.01.2025)]. Позже последовала директива *NSC 5412/2* (1955), закрепившая механизм согласования операций через «5412 Committee» [National Security Council Directive, NSC 5412/2 // CIA, 1955 URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80B01676R001900140052-2.pdf> (дата обращения: 01.01.2025)], в который входили представители Госдепа, Минобороны и Белого дома [3, с. 193-204].

Публикации исследователей, опирающиеся на рассекреченные материалы, фиксируют, что за 1948-1967 годы ЦРУ провело более 80 тайных операций различного уровня, в том числе прямые перевороты, подкупы, формирование вооружённых ополчений, вмешательство в выборы, экономическую диверсию. Государства Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Африки стали полигоном для реализации подобных сценариев [26, с. 73].

Первые успехи стратегии: перевороты в Иране и Гватемале

В 1953 году ЦРУ провело операцию «Аякс» по свержению демократически избранного премьер-министра Ирана Мохаммеда Мосаддыка. Поводом стало решение последнего о национализации Англо-иранской нефтяной компании, что нарушало интересы британского капитала и вызывало беспокойство у американских структур, зависимых

от стабильного доступа к энергоресурсам региона [\[27, с. 115\]](#). По архивным материалам, рассекреченным в США в 2013 году, операция координировалась Кермитом Рузвельтом — сотрудником ЦРУ, действовавшим при прямом содействии британской разведки MI6 [CIA Confirms Role in 1953 Iran Coup // National Security Archive, 2013 URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB435/> (дата обращения: 01.01.2025)]. Были использованы подкуп местных военных, провокации в прессе, организация митингов и распространение слухов о скором установлении просоветского режима. 19 августа 1953 года армия при поддержке западных агентов арестовала Мосаддыка, и шах Мохаммед Реза Пехлеви восстановил единоличную власть [\[4, с. 105-123\]](#).

В 1954 году ЦРУ реализовало аналогичный сценарий в Гватемале против президента Хакобо Арбенса. Причиной стала земельная реформа, проведённая в интересах местного крестьянства, которая затронула собственность транснациональной корпорации *United Fruit Company*, тесно связанной с администрацией Эйзенхауэра. Под кодовым названием «Операция *PBSUCCESS*» агенты ЦРУ подготовили и осуществили переворот: были сформированы вооружённые группы, велась радиопропаганда с территории Гондураса, применялись психологические операции и распространялась ложная информация о масштабном народном восстании. Под давлением со стороны армии и при отсутствии внешней поддержки Арбенс подал в отставку в июне 1954 года, власть захватил Карлос Кастильо Армас — лояльный США военный, отменивший реформы и заключивший соглашения, выгодные американским корпорациям [\[28, с. 45\]](#).

Обе операции стали прецедентами, закрепившими за ЦРУ функцию инструмента смены режимов в странах, чья политика шла вразрез с экономическими или идеологическими установками США. Советский Союз оценивал эти действия как грубое вмешательство в дела суверенных государств с целью установления неоколониального контроля, что подтверждалось реакцией прогрессивной общественности по всему миру и массовыми протестами в странах Латинской Америки и Ближнего Востока [\[29, с. 73\]](#).

Эскалация вмешательств и противостояние с СССР (1961-1979)

В 1960 году после обретения независимости Республикой Конго от Бельгии начался острый внутривластный кризис. Лидер национального движения Патрис Лумумба, занявший пост премьер-министра, провёл курс на социальные реформы и развитие сотрудничества с СССР, что вызвало резкое недовольство бывших колонизаторов и США. В августе 1960 года американская администрация и ЦРУ начали активно координировать действия по нейтрализации Лумумбы, используя внутренние противоречия между центральной властью и сепаратистским движением в провинции Катанга. 27 ноября 1960 года при участии агента ЦРУ Лоуренса Девлина Лумумба был арестован и позднее передан сторонникам Моиза Чомбе. 17 января 1961 года Лумумба был убит, а власть перешла к проамериканскому режиму под руководством Жозефа Мобуту, получившего финансирование и военную поддержку от США [\[5, с. 14-24\]](#).

В 1965 году Соединённые Штаты провели интервенцию в Доминиканскую Республику с целью не допустить прихода к власти левых сил после свержения диктатуры Рафаэля Трухильо. 28 апреля началась операция «*Power Pack*», в ходе которой более 22 000 американских военнослужащих были введены на территорию страны без согласия ООН. Формальным поводом стала якобы угроза «второй Кубы» и усиление коммунистического влияния. Операция осуществлялась в обход международных норм и сопровождалась насильственным разоружением гражданских сил, арестами и подавлением забастовок. Новый режим Хоакина Балагера, пришедший к власти при американской поддержке,

реализовывал политику, полностью согласованную с интересами Вашингтона.

В апреле 1961 года США предприняли вооружённую попытку свержения правительства Фиделя Кастро посредством вторжения на южное побережье Кубы в районе Плайя-Хирон. Операция, получившая в американских источниках название *Bay of Pigs Invasion*, была организована ЦРУ и реализована силами антикастровской эмиграции, прошедшей подготовку на базах в Гватемале и Никарагуа [The Bay of Pigs Invasion and its Aftermath, April 1961 // Office of the Historian URL: <https://history.state.gov/milestones/1961-1968/bay-of-pigs> (дата обращения: 01.01.2025)]. Вторжение поддерживалось с воздуха американской авиацией, однако отсутствие поддержки среди кубинского населения и решительное сопротивление Революционных вооружённых сил привели к провалу операции за 72 часа [6, с. 38-42].

После поражения в Плайя-Хирон США перешли к стратегии многоуровневой блокады Кубы, используя экономическое давление, дипломатическую изоляцию и подрывные действия. В 1962 году был введён формальный торговый эмбарго, которое сохраняется до настоящего времени. Администрации Кеннеди, Джонсона и следующих президентов реализовывали программы диверсий, попыток убийства Кастро (операции *Mongoose* и *ZRRIFLE*), а также идеологической борьбы через радиопропаганду.

Военное вмешательство США во Вьетнаме стало кульминацией провальной попытки предотвратить установление просоветского режима в регионе путём прямой смены власти и навязывания проамериканской модели. Первоначальная поддержка французского колониального присутствия сменилась военной и финансовой помощью южновьетнамским властям после Женевских соглашений 1954 года. США активно способствовали приходу к власти Нго Динь Зьема, чья диктатура с самого начала зависела от американской поддержки [7, с. 201-250].

Стратегия экономического принуждения

Военный переворот в Чили 11 сентября 1973 года стал кульминацией целенаправленной кампании США по свержению законно избранного левого правительства Сальвадора Альенде и внедрению неолиберальной экономической модели в Латинской Америке. Победа Альенде на выборах 1970 года вызвала резкую негативную реакцию в Вашингтоне. Белый дом во главе с Ричардом Никсоном поручил ЦРУ не допустить утверждения результатов выборов или в кратчайшие сроки дестабилизировать правительство «Народного единства». Внутренние документы ЦРУ, включая инструкцию «Track II» [Track II manual // CIA, 1974 URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/track%20ii%5B15520577%5D.pdf> (дата обращения: 01.01.2025)], свидетельствуют о прямом участии агентства в подготовке переворота: финансирование оппозиционных СМИ, профсоюзов, организация саботажа в транспортной отрасли и подрыв продовольственного снабжения [8, с. 71-85].

С 1971 года в Чили действовали американские экономические рычаги давления — отказ в кредитовании, сокращение экспорта запчастей и нефтепродуктов, дипломатическая изоляция. Отмеченные меры сопровождались активной информационной кампанией в прессе. Условия экономической блокады, рост инфляции и дефицит товаров создавали в стране искусственный кризис, который использовался как предлог для мобилизации военных кругов. Генерал Аугусто Пиночет, возглавивший переворот, получил поддержку от США не только в подготовительный период, но и после захвата власти [30, с. 73].

С приходом Пиночета началось внедрение так называемой «чилийской школы» — модели

жесткого неолиберализма, разработанной группой экономистов, прошедших обучение в Университете Чикаго под руководством Милтона Фридмана. Среди первоочередных шагов были либерализация внешней торговли, приватизация государственных предприятий, демонтаж трудового законодательства. США оказывали техническую и финансовую поддержку новым экономическим структурам, включая участие *USAID*, МВФ и Всемирного банка. Поддержка Вашингтоном диктатуры сопровождалась молчаливым согласием на массовые репрессии: по данным комиссии Реттига, за первые годы правления было убито более 3 тысяч человек, десятки тысяч подверглись пыткам.

После успеха переворота в Чили американская администрация активизировала поддержку правых военных режимов в Южной Америке, видя в них барьер против расширения советского влияния и леворадикальных движений. В Бразилии военная диктатура установилась в 1964 году в результате операции, напрямую координировавшейся с посольством США. Президент Линдон Джонсон санкционировал политическое, финансовое и военное содействие новому режиму генералов [\[9, с. 54-70\]](#).

В Аргентине поддержка США усилилась после прихода военной хунты в 1976 году, возглавляемой генералом Виделой. Вашингтон, несмотря на масштабные репрессии, оперативно наладил сотрудничество с новой властью. По данным, опубликованным в докладе Конгресса США и рассекреченным Госдепартаментом, ЦРУ и Пентагон обладали полной информацией о пытках, похищениях и внесудебных казнях, но не только не вмешивались, а поощряли обмен опытом в рамках глобальной антиповстанческой стратегии [Report of the Senate Select Committee on Intelligence Committee Study of the Central Intelligence Agency's Detention and Interrogation Program Together with Foreword by Chairman Feinstein and Additional and Minority Views, December 9, 2014 // U.S. Congress URL: <https://www.congress.gov/113/crpt/srpt288/CRPT-113srpt288.pdf> (дата обращения: 01.01.2025)].

Сохранение сфер влияния на Ближнем Востоке

После Второй мировой войны Ближний Восток стал одной из ключевых зон приложения американской стратегии по сдерживанию СССР, сопровождавшейся прямой поддержкой лояльных режимов и дестабилизацией нежелательных властей. В Ливане США впервые прибегли к открытой военной интервенции в 1958 году, когда на фоне усиления антизападных настроений и угрозы исламско-националистического восстания администрация Эйзенхауэра направила около 15 тысяч морских пехотинцев для поддержки президента Камиля Шамуна. Операция проводилась в условиях кризиса, вызванного свержением монархии в Ираке и возрастающим влиянием арабского социализма. Целью вмешательства было сохранение прозападной ориентации ливанской элиты и недопущение выхода страны из американской орбиты [\[31, с. 5\]](#).

В Иране ЦРУ сыграло ключевую роль в укреплении власти шаха Мохаммеда Реза Пехлеви после государственного переворота 1953 года. С 1960-х годов американские военные советники, спецслужбы и экономические эксперты глубоко интегрировались в систему управления и безопасности Ирана. США превратили шахский режим в региональный бастион антикоммунизма, одновременно поощряя жесткие репрессии, в том числе с использованием спецслужбы САВАК, созданной при прямом участии ЦРУ и Моссада. По данным рассекреченных архивов, численность САВАК достигала 60 тысяч агентов, а методы включали слежку, пытки и внесудебные ликвидации оппозиционеров. Иран в 1970-е годы получал наибольшие объемы американской военной помощи в регионе, что сопровождалось его экономической и культурной зависимостью от США [Weapons Sales to the Middle East and Arms Control // Defense Technical Information

Center, 1996 URL: <https://apps.dtic.mil/sti/tr/pdf/ADA308670.pdf> (дата обращения: 01.01.2025).].

В Египте после смерти Гамалья Абдель Насера американская администрация выстроила стратегическое партнёрство с режимом Анвара Садата, сделав ставку на его антисоветский поворот. После 1973 года Вашингтон активизировал контакты с египетскими военными, начал кредитование через *USAID* и поставки оружия. Заключение Кэмп-Дэвидских соглашений в 1978 году фактически оформило переход Египта из просоветского лагеря в проамериканскую орбиту. Взамен на мир с Израилем США гарантировали Садату ежегодные дотации в размере около 1,5 млрд долларов, а также полную политическую поддержку.

Советская реакция: от дипломатии к контрпроникновению

Советский Союз реагировал на агрессивную политику США по смене режимов через систему дипломатических протестов, разоблачений на международных площадках и масштабных информационных кампаний, направленных на мобилизацию мировой общественности против американского вмешательства. После переворота в Иране в 1953 году МИД СССР направил официальную ноту протеста правительству США, где действия ЦРУ квалифицировались как грубое нарушение суверенитета. Аналогичные демарши предпринимались после событий в Гватемале, где советская сторона обвинила Вашингтон в восстановлении проимпериалистической диктатуры с использованием военной силы и подрывной деятельности.

Советская дипломатия активно использовала площадки ООН, где постоянный представитель СССР в Совете Безопасности Андрей Громыко в 1950-1960-х годах систематически поднимал вопрос о недопустимости вмешательства во внутренние дела суверенных государств. В 1954 году СССР потребовал рассмотрения гватемальского кризиса на заседании СБ ООН, аргументируя вмешательство США как нарушение Устава ООН, однако США наложили вето. Такие действия стали рутинной практикой блокирования обсуждений американской агрессии в международных институтах, что фиксировалось в документах советской миссии при ООН.

После провала ряда американских попыток установить проамериканские режимы в странах Азии и Латинской Америки, Советский Союз активизировал поддержку антиколониальных и революционных движений в странах Третьего мира. Вьетнам стал одним из ключевых направлений советской внешней политики в Азии. Москва оказывала масштабную военную, экономическую и техническую помощь Демократической Республике Вьетнам. По данным российских архивов, с 1965 по 1974 годы через Вьетнам прошли более 6 тысяч советских военных специалистов [\[32, с. 67\]](#). СССР обучал вьетнамских офицеров в своих академиях, обеспечивал медицинскую и продовольственную поддержку, а также играл ключевую роль в строительстве военной инфраструктуры Северного Вьетнама [\[10, с. 197-220\]](#).

На африканском направлении важнейшим примером стала Ангола. После обретения независимости от Португалии в 1975 году в стране разгорелась гражданская война между тремя основными движениями: МПЛА (Народное движение за освобождение Анголы), УНИТА и ФНЛА. СССР занял сторону МПЛА, которое декларировало социалистический путь развития. При поддержке Кубы, чьи военные силы были переброшены в страну по инициативе Гаваны и с согласия Москвы, МПЛА удалось утвердить контроль над большей частью территории, включая столицу Луанду. Советский Союз поставлял Анголе бронетехнику, стрелковое оружие, артиллерию, направлял

военных советников и обеспечивал обучение африканских офицеров.

Американская администрация, в свою очередь, поддерживала УНИТА и ФНЛА, действуя через спецслужбы и прокси-структуры, включая участие ЮАР в боевых действиях против МПЛА. Противостояние в Анголе приобрело форму замещённой войны, в которой СССР демонстрировал способность эффективно противодействовать вмешательству США в дела развивающихся стран.

К середине 1960-х годов СССР выработал системный ответ на усиливающуюся интервенционистскую линию США, направленный на дипломатическое вытеснение Вашингтона из стран глобального Юга и создание альтернативных структур влияния. Основной акцент был сделан на дискредитации внешнеполитических инициатив США как неокOLONиальных. Через сеть дружественных СМИ и агентство «Новости» Советский Союз распространял данные о тайных операциях ЦРУ, вмешательствах в Чили, Иране, Индонезии, а также анализы с критикой военно-политических блоков НАТО и SEATO.

Советская дипломатия добивалась осуждения американской политики на площадках ООН, при этом СССР активно пользовался правом вето в Совете Безопасности, блокируя инициативы, угрожавшие суверенитету союзных государств. С 1950-х годов Москва начала формировать собственную коалиционную архитектуру безопасности. Создание Организации Варшавского договора в 1955 году стало ответом на милитаризацию Западной Европы и принятие ФРГ в НАТО. ОВД обеспечивал не только военное сдерживание, но и институциональное оформление идеологического блока [\[11, с. 312-320\]](#).

Трансформация методов: от тайных операций к институциональному влиянию (1980-1991)

После прихода к власти в 1981 году администрация Рональда Рейгана сформулировала новый подход к внешнеполитической активности США, предполагающий не просто сдерживание, а активное вытеснение союзников СССР в Третьем мире. Доктрина Рейгана легализовала поддержку вооружённых антиправительственных формирований, если они противостояли просоветским режимам. Одним из ключевых направлений реализации доктрины стала Центральная Америка. В Никарагуа с 1981 года США начали финансирование и военную подготовку контрас — вооружённой оппозиции левому правительству сандинистов во главе с Даниэлем Ортегой. По данным Конгресса США, объем нелегальной помощи превысил 100 млн долларов, включая поставки оружия и организацию баз подготовки в Гондурасе. Данные действия сопровождались нарушением международного права, что в 1986 году подтвердил Международный суд ООН, обязав США прекратить вмешательство в дела Никарагуа, однако решение было проигнорировано [\[12, с. 142-160\]](#).

В Афганистане США с 1980 года через пакистанскую разведку ISI поставляли оружие, деньги и инструктаж моджахедам, включая радикальные исламистские формирования. Операция «Циклон», курируемая ЦРУ, стала крупнейшей в истории агентства, и только к 1987 году объем помощи достиг 630 млн долларов в год. Вооружение включало ПЗРК «Стингер», что резко изменило баланс в борьбе против советской авиации. Поддержка афганских боевиков обеспечивалась без каких-либо требований к идеологической ориентации, что способствовало росту влияния экстремистских группировок, включая будущий «Талибан» и «Аль-Каиду» (террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации) [\[13, с. 106-141\]](#).

В октябре 1983 года США провели операцию «Вспышка ярости» — вторжение в Гренаду,

формально мотивированное защитой американских студентов после свержения премьер-министра Мориса Бишоп. На деле операция преследовала цель устранения левого правительства, поддерживаемого Кубой и имевшего связи с СССР. В течение недели американские войска установили полный контроль над островом, заменив правительство на лояльную администрацию. Действия США были осуждены Генассамблеей ООН как акт агрессии и нарушения суверенитета, но фактически легализовали новую практику открытых интервенций против неугодных режимов без санкции Совбеза [Responsibility to Protect at a Crossroads: The Crisis in Libya // Humanity in Action, 2015 URL: https://humanityinaction.org/knowledge_detail/responsibility-to-protect-at-a-crossroads-the-crisis-in-libya/ (дата обращения: 01.01.2025)].

Доктрина Рейгана институционализовала право США на вмешательство под предлогом борьбы с «мировым злом», подменяя правовую логику интересами силового давления и подрыва стабильности стран, сотрудничавших с СССР. Поддержка террористических и диктаторских структур стала частью государственной политики США, что в долгосрочной перспективе привело к усилению глобальной нестабильности и утрате доверия к международным институтам.

США систематически применяли информационные операции как часть стратегии смены режимов и противодействия советскому влиянию, начиная с конца 1940-х годов. Ключевую роль в формировании глобального антикоммунистического дискурса играли такие структуры, как Управление психологической стратегии (*PSB*) и позже — Агентство по информации США (*USIA*), созданное в 1953 году. Через радиостанции «Голос Америки», «Свобода» и «Свободная Европа» Вашингтон распространял идеологически выверенный контент, направленный на подрыв доверия к просоветским правительствам, дискредитацию социалистической модели и легитимацию вмешательства США в дела других государств.

Создание инфраструктуры влияния

После провалов ряда тайных операций ЦРУ в 1970-х годах, включая разоблачения вмешательства в Чили и Сальвадоре, в американской стратегии смены режимов произошёл сдвиг от прямых *covert operations* к созданию псевдогражданских структур, выполняющих аналогичную функцию под прикрытием «демократического содействия». В 1983 году по инициативе администрации Рейгана был создан Национальный фонд в поддержку демократии (*NED*), который с самого начала координировался с Государственным департаментом и ЦРУ, а финансирование осуществлялось через бюджет Конгресса. Основной задачей *NED* стало финансирование политических групп, профсоюзов, НПО, медиаструктур и студенческих организаций в странах, которые США считали подверженными «авторитарному влиянию» [14, с. 112-134].

По данным отчётов самого *NED*, в 1980-1990-х годах он активно поддерживал прозападные силы в Польше, Чехословакии, Никарагуа и Грузии. В интервью *New York Times* (1991) один из руководителей фонда Карл Гершман прямо заявлял, что деятельность *NED* — это «то, что раньше делало ЦРУ, но теперь — в открытую». Параллельно продолжалась активная экспансия Агентства США по международному развитию (*USAID*), официально созданного в 1961 году, но с конца 1980-х годов оно стало играть ключевую роль в сопровождении политических трансформаций, направленных на ликвидацию остатков социалистических моделей в Восточной Европе, бывшем СССР и Латинской Америке [15, с. 41-72].

USAID действовало через «развитие гражданского общества», включая обучение

партийных кадров, подготовку «независимых» СМИ и внедрение судебной реформы по американским лекалам. В Грузии, по данным *Congressional Research Service*, только в 2002-2004 гг. *USAID* инвестировало более \$50 млн в подготовку структур, связанных с «Революцией роз». Аналогичная схема применялась в Сербии, Киргизии и на Украине, где финансовая поддержка *USAID* и *NED* способствовала мобилизации протестных сил против режимов, ориентированных на многовекторную или пророссийскую политику.

Таким образом, отказ от сугубо секретного вмешательства сопровождался институционализацией механизмов политического влияния. За счёт юридически оформленных и публично действующих структур, американские власти добились легитимизации своей вмешательнической активности и возможности длительного присутствия в целевых странах, под видом гуманитарной и демократической помощи реализуя политически ангажированные сценарии смены власти.

Легитимация вмешательства через международные институты

С конца 1990-х годов США начали активно использовать международные организации и площадки для придания вмешательству в дела суверенных государств легалистского статуса. Центральным инструментом стала концепция «ответственности по защите» (*Responsibility to Protect — R2P*), официально утверждённая на Всемирном саммите ООН в 2005 году. Инициатором продвижения концепции *R2P* выступили Канада, США и Великобритания через Международную комиссию по вмешательству и государственному суверенитету, поддержанную Джорджем Соросом и рядом структур, связанных с Фондом Карнеги (является нежелательной организацией в Российской Федерации и выполняет функции иностранного агента) и *Brookings Institution*. Основной посыл заключался в праве международного сообщества на интервенцию в случае «массовых нарушений прав человека», включая действия против «нелегитимных» правительств [\[16, с. 134-149\]](#).

После легализации *R2P* в итоговом документе Генассамблеи ООН, США и их союзники стали ссылаться на неё как на правовое основание для военного или политического вмешательства. В 2011 году именно под этим предлогом была осуществлена операция против Ливии, где резолюция Совета Безопасности ООН №1973 была интерпретирована как разрешение на применение силы против суверенного режима Муаммара Каддафи. Российская Федерация и Китай воздержались при голосовании, после чего признали действия НАТО выходящими за пределы мандата и расценили их как вмешательство с целью смены власти.

Впоследствии США предпринимали попытки навязать модель «гуманитарного вмешательства» и через другие международные площадки, включая Совет по правам человека ООН и ОБСЕ. Через механизм *Universal Periodic Review (UPR)* иницируемый в Совете ООН, американские структуры добивались осуждения неудобных правительств и подготовительных решений для последующего политического давления. Дополнительно применялась система санкций через международные финансовые институты — в первую очередь Всемирный банк и МВФ, где ключевые рычаги контроля находятся у США.

Таким образом, Вашингтон стремился не только к сохранению монополии на интерпретацию международного права, но и к переносу собственных политических стандартов в практику глобального управления. Попытка легализации вмешательства в международных институтах сопровождалась размыванием понятий суверенитета и подменой универсальных норм единоподчинённой политикой, служащей стратегическим интересам США.

Наследие холодной войны в XXI веке

Вторжение США в Ирак в 2003 году стало примером политического прикрытия агрессии риторикой «экспорта демократии». Официальным предлогом Вашингтона стали недоказанные обвинения в наличии у режима Саддама Хусейна оружия массового поражения. Отсутствие соответствующего мандата Совета Безопасности ООН не помешало США и их союзникам начать боевые действия, приведшие к уничтожению государственной инфраструктуры, распаду армии и дестабилизации всего региона. Согласно данным *Iraq Body Count*, количество гражданских жертв с начала вторжения превысило 200 тысяч человек. На месте республики был навязан квазидемократический политический режим, полностью зависимый от западной поддержки и лишённый внутренней легитимности [\[17, с. 134-152\]](#).

Сценарий, аналогичный иракскому, был реализован в Ливии в 2011 году. Под прикрытием резолюции СБ ООН №1973, легитимирующей «зону, закрытую для полётов», США, Великобритания и Франция инициировали полномасштабную воздушную кампанию против правительства Муаммара Каддафи. Результатом стало уничтожение государственных институтов, распад ливийской армии и передача власти разрозненным вооружённым группировкам. Впоследствии страна была втянута в затяжную гражданскую войну, а на территории Ливии закрепились ячейки «Аль-Каиды» и ИГИЛ (являются террористическими организациями и запрещены в Российской Федерации). Как отмечает американский политолог Фрэнсис Бойл, интервенция в Ливии послужила обкаткой «гуманитарного» оправдания вторжения в обход международного права [\[17, с. 89-103\]](#).

Сирийский кризис стал продолжением политики внешнего разрушения режимов, ориентированных на суверенное развитие. С 2011 года США и их союзники оказывали поддержку вооружённой оппозиции, включая экстремистские элементы, с целью свержения правительства Башара Асада. При этом Вашингтон координировал усилия через ЦРУ и структуры, связанные с *USAID* и *NED*, направляя финансовые и материально-технические ресурсы нелегальным вооружённым группам. По данным *New York Times*, с 2013 по 2017 год ЦРУ в рамках программы «*Timber Sycamore*» направило на поддержку сирийской оппозиции свыше 1 млрд долларов. Несмотря на публичные заявления о борьбе с терроризмом, действия США фактически дестабилизировали обстановку и затруднили противодействие международным террористическим организациям. Россия, в отличие от Запада, действовала по официальному приглашению правительства Сирии и сыграла ключевую роль в сдерживании радикалов и стабилизации обстановки.

Ирак, Ливия и Сирия стали примерами новой формы интервенции, где под предлогом демократизации Запад разрушал суверенные государства, создавая управляемый хаос и подменяя понятие демократии инструментом геополитического давления.

Во времена холодной войны Соединённые Штаты применяли прямолинейные методы вмешательства — от организации переворотов (Иран 1953, Гватемала 1954, Чили 1973) до военных интервенций (Корея, Вьетнам, Гренада, Панама). Операции осуществлялись под контролем ЦРУ, а финансирование шло через закрытые статьи бюджета. На тот период ключевым инструментом было физическое устранение неугодных режимов и замена их правительствами, ориентированными на Вашингтон. Секретные меморандумы NSC 10/2 (1948) и NSC 5412/2 (1955) легализовали такие вмешательства на высшем уровне. Главной формой давления выступало принуждение — через насилие, военную оккупацию или блокаду [\[18, с. 203-215\]](#).

После окончания холодной войны США перешли к более изощрённым методам. Так

называемые «гибридные» вмешательства сочетают правовые, информационные, финансовые и сетевые инструменты. Ключевыми элементами стали манипулирование электоральными процессами, управление информационным полем, создание «независимых» экспертных структур, НКО и медиа. Вместо ЦРУ функцию воздействия стали выполнять институты «мягкой силы» — *NED*, *Freedom House* (является нежелательной организацией в Российской Федерации), *IRI*, *USAID*. Подобная трансформация зафиксирована в работах М. Ignatieff и Т. Carothers, но также критически разобрана российскими аналитиками, указывающими на институционализацию вмешательства под прикрытием гуманитарной риторики.

Характерным примером новой модели вмешательства стало использование социальных сетей и онлайн-платформ для координации протестов (арабская весна 2011, Гонконг 2019, Беларусь 2020). В отличие от периода холодной войны, сегодня доминируют анонимные финансирования, работа через посредников и цифровые атаки. Согласно отчётам Центра изучения гибридных угроз НАТО (*Hybrid COE*), новые формы интервенции включают в себя создание сетей инфлюенсеров, кампании в TikTok и YouTube, продвигающие смену власти, а также встраивание в образовательные и культурные проекты зарубежного контроля [\[19, с. 5-22\]](#).

Ещё одно отличие — смена роли международных институтов. Если в период холодной войны вмешательства чаще всего проводились в обход ООН, то сегодня они оправдываются через использование резолюций, концепции «защиты прав человека» и доктрины *R2P (responsibility to protect)*, которую США активно продвигали с начала 2000-х годов. При этом вмешательство оформляется как законное через создание временных коалиций и псевдоправовых обоснований. Такие действия применялись в Югославии (1999), Ираке (2003), Ливии (2011), что подвергалось критике со стороны России как нарушение Устава ООН и принципа невмешательства.

Российское противодействие попыткам смены режимов

Россия выстроила политику сдерживания попыток внешне инспирированной смены власти в третьих странах, а также защиты собственного суверенитета от аналогичных сценариев. С начала 2000-х годов, на фоне «цветных революций» в постсоветском пространстве (Грузия 2003, Украина 2004, Киргизия 2005), Москва обозначила угрозу экспорта нестабильности как приоритет в национальной стратегии безопасности. На международной арене Россия начала последовательно блокировать инициативы по интервенции под предлогом «демократизации» — в первую очередь в Совете Безопасности ООН, где в 2011 году воздержалась при голосовании по Ливии, а затем жёстко выступила против военных действий НАТО [\[20, с. 93-107\]](#).

Российское внешнеполитическое ведомство фиксирует нелегитимность попыток внешнего воздействия, используя понятие «гибридной агрессии». С 2014 года Россия начала развивать механизмы информационного противодействия и кибербезопасности, включая создание независимых медиаресурсов (*RT*, *Sputnik*), формирование суверенного сегмента интернета и координацию усилий с партнёрами по ОДКБ, БРИКС и ШОС. В 2020-х годах Россия активно выступала против вовлечения неправительственных организаций с иностранным финансированием во внутренние политические процессы — что выразилось в законодательном признании ряда НКО и медиа как «иностранных агентов».

На пространстве СНГ и за его пределами Россия оказывала прямую поддержку действующим правительствам, подвергшимся внешнему давлению: военная помощь Сирии по приглашению официального Дамаска в 2015 году, развертывание

миротворческих сил ОДКБ в Казахстане в 2022 году по запросу руководства страны, поддержка белорусских властей в 2020 году. Кроме того, Россия укрепляла институциональные формы взаимодействия с государствами, которые стали мишенью для цветных сценариев — в том числе посредством многостороннего диалога о недопущении «экспортной демократии» и «революционного интернационализма», навязываемого Западом [\[21, с. 7-26\]](#).

В риторике российского руководства подчёркивается приоритет национального суверенитета, правового порядка и недопустимости внешнего давления под гуманитарными или правозащитными предлогами. Москва также инициировала резолюции в рамках ООН и других форумов по вопросам недопустимости вмешательства во внутренние дела государств. Поддержка антиинтервенционистских позиций со стороны Китая, Ирана, Венесуэлы, Кубы, Мьянмы и ряда африканских стран указывает на расширение круга партнёров, готовых противостоять попыткам смены режимов по западным шаблонам.

Заключение

Современная практика насильственной смены режимов, прикрытая риторикой защиты демократии и прав человека, продемонстрировала устойчивую тенденцию к дестабилизации целых регионов, что превратилось в серьёзный вызов для международной безопасности. Интервенции США и их союзников в Югославии (1999), Ираке (2003), Ливии (2011), Сирии (с 2011) привели не к становлению демократических институтов, а к разрушению государственных структур, росту терроризма, гуманитарным катастрофам и миграционным кризисам [\[22, с. 278-293\]](#).

Методы, ранее ограничивавшиеся спецоперациями, стали институционализированными: через механизмы финансирования «гражданского общества» действуют такие структуры, как NED, USAID, *Freedom House* (является нежелательной организацией в Российской Федерации). Они активно вовлечены в процессы политической трансформации, в том числе через влияние на избирательные процессы, правозащитные повестки и информационные каналы. Формируется модель гибридного давления, где соединяются дипломатическое принуждение, санкции, медийное давление, кибероперации и работа с элитами. Эрозия принципов суверенитета, зафиксированных в Уставе ООН, становится все более очевидной.

Россия и ряд других государств (КНР, Иран, Венесуэла, Сирия, Беларусь) подвергаются постоянному внешнему вмешательству, в том числе в форме подрыва легитимности власти и прямой поддержки протестных структур. Одним из ответов на эти вызовы становится усиление оборонительных доктрин, развитие концепций информационного и киберсуверенитета, усиление многосторонних форматов вне зависимости от западных институтов (ШОС, БРИКС+). Показательна консолидация усилий государств, отвергающих модель «демократизации через принуждение».

Ключевым уроком последних десятилетий стало осознание того, что смена режима извне не ведет к устойчивому развитию. Демократия не экспортируется бомбардировками. Международное право, если оно не будет восстановлено как универсальный и равный для всех акторов механизм, рискует быть окончательно подмененным произвольными интерпретациями «права на вмешательство». Перед мировым сообществом стоит задача укрепления подлинной системы коллективной безопасности, основанной на уважении суверенитета, равноправии и невмешательстве во внутренние дела государств.

Библиография

1. Prados J. Safe for Democracy: The Secret Wars of the CIA. Chicago: Ivan R. Dee, 2006. 696 p.
2. Brands H. Latin America's Cold War. Cambridge: Harvard University Press, 2010. 385 p.
3. Lucas S. Freedom's War: The US Crusade against the Soviet Union, 1945-1956. Manchester: Manchester University Press, 1999. 313 p.
4. Dinges J. The Condor Years: How Pinochet and His Allies Brought Terrorism to Three Continents. New York: The New Press, 2004. 332 p.
5. Weissman S. What Really Happened in Congo: The CIA, the Murder of Lumumba, and the Rise of Mobutu // Foreign Affairs. 2014. Vol. 93, No. 4. P. 14-24.
6. Gleijeses P. Conflicting Missions: Havana, Washington, and Africa, 1959-1976. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2002. 572 p.
7. Herring G. America's Longest War: The United States and Vietnam, 1950-1975. Boston: McGraw-Hill, 2001. 368 p.
8. Klein N. The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism. New York: Picador, 2007. 720 p.
9. McSherry J. Predatory States: Operation Condor and Covert War in Latin America. Lanham: Rowman & Littlefield, 2005. 284 p.
10. Westad O.A. The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 498 p.
11. Hanhimäki J.M., Westad O.A. (eds.) The Cold War: A History in Documents and Eyewitness Accounts. Oxford: Oxford University Press, 2003. 712 p.
12. Scott P. American War Machine: Deep Politics, the CIA Global Drug Connection, and the Road to Afghanistan. Lanham: Rowman & Littlefield, 2010. 408 p.
13. Coll S. Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden. New York: Penguin Press, 2004. 720 p.
14. Robinson W.I. Promoting Polyarchy: Globalization, US Intervention, and Hegemony. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 488 p.
15. Sundstrom L.M. Foreign Assistance, International Norms, and NGO Development: Lessons from the Russian Campaign // International Organization. 2006. Vol. 60, No. 1. P. 419-449.
16. Bellamy A. Responsibility to Protect: The Global Effort to End Mass Atrocities. Cambridge: Polity Press, 2009. 249 p.
17. Chomsky N. Hegemony or Survival: America's Quest for Global Dominance. New York: Metropolitan Books, 2003. 304 p.
18. Lucas E. The New Cold War: Putin's Russia and the Threat to the West. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 384 p.
19. Radin A., Reach C. Hybrid Warfare in the Baltics: Threats and Potential Responses. Santa Monica: RAND Corporation, 2017. 58 p.
20. Trenin D. What Is Russia Up To in the Middle East? Cambridge: Polity Press, 2018. 144 p.
21. Ikenberry G.J. America's Liberal Empire // Survival. 2004. Vol. 46, No. 1. P. 609-630.
22. Kissinger H. World Order. New York: Penguin Press, 2014. 432 p.
23. Hewitson M. European Unity during the Cold War // Waging War and Making Peace: European Ways of Inciting and Containing Armed Conflict, 1710-1960. 2024. Т. 4. 369 p.
24. Тетерин П. В., Конев Н. С. Цели плана Маршалла в современной российской историографии // Клио. 2025. № 3 (219). С. 39-42. DOI: 10.24412/2070-9773-2025-3219-39-42 EDN: MNIJVG
25. Панов Д.С. Формирование ЦРУ как ключевого инструмента внешней политики США в эпоху Холодной Войны // Международные отношения. 2024. № 4. С. 156-165. DOI:

10.7256/2454-0641.2024.4.72575 EDN: RARUAW URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72575

26. Хлопов О. А. Интересы и влияние США в Латинской Америке // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 9. С. 71-77. DOI: 10.24158/per.2023.9.9 EDN: FMKHKZ

27. Benopoulos V. Within and Without // American Intelligence Journal. 2022. Т. 39. № 2. P. 114-125.

28. Revering D., Spike T., Hightower V. The Details are: Connections Between TPAjax and PBSuccess // UNG Annual Research Conference. 2024. Т. 29. № 1. P. 40-51.

29. Жиряков И. Г. К дискуссии о рождении плана Маршалла и позиции СССР: анализ американских и европейских средств массовой информации // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. № 3. С. 71-86. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-3-71-86 EDN: RPPXLC

30. Silva P. Augusto Pinochet: The emergence of one-man rule in Chile (1915-2006) // Dictators and Autocrats. Routledge, 2021. P. 71-90.

31. Kaufman A. Rethinking The Root Causes of The First Lebanon War: Bringing Together Lebanon and The Palestinian Occupied Territories, 1977-1982 // Israel Studies. 2024. Т. 29. № 3. P. 1-27.

32. Иванов В. В. Советско-вьетнамское сотрудничество и позиция КНР в 1965-1967 гг // Россия и АТР. 2010. № 4. С. 66-77. EDN: OHLQNX

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рассматривает исторический аспект изменений стратегических подходов Соединенных Штатов к процессу изменения внутренних политических режимов иностранных государств во время холодной войны. Основное внимание уделяется формированию механизмов, позволяющим оказывать воздействие на внутреннюю ситуацию в различных регионах мира с целью укрепления собственной геополитической позиции и ослабления Советского Союза. Исследуются конкретные исторические события, такие как перевороты в Иране и Гватемале, операции ЦРУ, влияние экономической помощи и санкций, а также особенности реакции Советского Союза на подобные действия.

Рецензируемая статья вносит вклад в изучение проблемы внешних воздействий на национальные государственные системы и особенностей взаимоотношений великих держав в период идеологического противостояния. Важным элементом является рассмотрение эволюции инструментария вмешательства США от прямого физического уничтожения лидеров и открытого участия в переворотах до косвенных манипуляций и пропаганды, постепенно превращающих тактику смены режимов в общепризнанный элемент внешней политики.

Методологическая основа исследования включает историко-сравнительный метод, позволяющий сопоставлять различные этапы становления и совершенствования способов смены режимов, а также выявлять общие закономерности. Автор широко привлекает архивные материалы, официальные документы и воспоминания участников событий, демонстрируя глубину проработанности темы. Используются подходы исторической реконструкции, позволяющие воссоздать хронологию конкретных случаев вмешательства, проанализировать причины и последствия тех или иных мероприятий.

Однако стоит отметить некоторые недостатки метода анализа. Во-первых, автор делает упор преимущественно на точку зрения официальных источников США, оставляя

недостаточно места альтернативным взглядам и оценкам, особенно советским (российским) источникам на этот счёт. Это снижает объективность выводов относительно реальной мотивации США и характера происходящих процессов. Во-вторых, статья иногда чрезмерно упрощенно трактует отдельные эпизоды, представляя их исключительно результатом спланированного сценария США, игнорируя возможные случайные факторы и непредвиденные обстоятельства.

Актуальность данной статьи обусловлена современными тенденциями, такими как активизация дискуссий вокруг понятия «демократического вмешательства» и растущие опасения многих стран перед возможностью повторения практики, используемой США в прошлом. Вопрос, поднятый автором, имеет существенное значение для понимания современных конфликтов и принятия адекватных мер предосторожности, учитывая угрозы нового типа гибридных войн, информационных атак и технологий смены власти.

Научная новизна заключается в комплексном подходе автора к изучению вопросов внешней политики США, охватывая широкий спектр событий и приводя обширную библиографию. Автором предложена четкая классификация этапов эволюции стратегий, используемых для смены режимов, подчеркиваются различия между эпохами холодной войны и современным периодом. Особое внимание уделено таким эпизодам, как иранский переворот 1953 года, чилийский переворот 1973 года, операции в Центральной Америке и влияние США на политические решения в Африке и Азии.

Структура статьи отличается ясностью и последовательностью изложения материала. Основные периоды холодной войны чётко выделены, а каждый параграф посвящен отдельному этапу эволюции методов вмешательства. Подробные описания конкретных эпизодов позволяют читателям легко ориентироваться в материале и лучше понимать общую картину событий. Язык текста строго научный, профессиональный. Автор привел значительную базу литературы и документальных материалов, подкрепляющих выводы исследования.

Исследование охватывает большой временной промежуток и несколько регионов, обеспечивая широкое понимание проблемы. Привлечение документальных свидетельств придает исследованию особую ценность и достоверность. Выводы статьи могут служить основой для разработки рекомендаций по предотвращению рисков внешнего вмешательства в национальную безопасность государств.

Главный вывод статьи состоит в том, что практика смены режимов, применяемая США во время холодной войны, продолжает существовать и в наши дни, принимая новые формы и методы, но сохраняя базовые принципы принудительного вмешательства в иностранные государства. Этот вывод представляется справедливым и подтвержденным фактами, представленными в исследовании. Вместе с тем, желательно было бы расширить заключение, обсудив перспективы предотвращения подобной практики в будущем и предложить рекомендации по реформированию международного права и регулированию отношений между государствами.

Статья будет интересна широкому кругу читателей, занимающихся вопросами истории международных отношений, политики, экономики и социологии.

Рекомендую статью «Эволюция стратегий США по смене режимов во время холодной войны» к публикации в журнале «Конфликтология / nota bene».